

А.Н. Павлова

Реконструкция элементов костюма волжских финнов по археолого-этнографическим материалам как основа семантического исследования

В отечественной и зарубежной науке к настоящему времени выработаны определенные подходы к реконструкции древних костюмных комплексов. Большинство авторов рассматривают костюм как нечто сугубо функциональное, обладающее только технологической (реальной) структурой, по мнению Р. Барта, как набор предметов, характерных для определенного этноса и хронологического периода. Костюм также обладает иконической и вербальной структурами, представляющими наибольший интерес при изучении семантики [1, с. 38]. Оставаясь частью мира материальной культуры, костюм, тесно связанный с производством и технологиями, в то же время представляет собой культурный феномен, репрезентирующий историческую реальность специфическим способом. Реконструкция элементов костюма является основанием всех последующих исследований в данной области.

Благодаря археологическим исследованиям накоплен огромный фактический материал, характеризующий элементы костюма волжских финнов, так как особенности погребального обряда и почв не позволяют реконструировать костюм как единое целое. Изучение костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н.э. началось еще в XIX в.: А.А. Спицын предложил реконструкции костюмов по материалам Борковско-го, Кошибеевского и ряда других могильников [2]. В работе В.А. Городцова, посвященной исследованиям Подболотьевского могильника, приводятся не только рисунки вещей и схемы погребений, но и реконструкции наиболее полных костюмных комплексов [3]. Интерес к костюму в археологии связан с тем, что он является важным индикатором этнической принадлежности того или иного памятника. Реконструкция элементов костюма позволяла также сопоставить археологические и этнографические материалы, проследить эволюцию отдельных форм и деталей. К вопросам изучения древнемордовского костюма и его отдельных элементов в разное время обращались А.Е. Алихова, М.Ф. Жиганов, М.Р. Полесских, В.Н. Мартыанов, А.П. Смирнов [4–14]. Особо следует отметить статьи Р.Ф. Ворониной «Женские головные уборы волжских финнов V–VII вв. (по материалам Никитинского могильника)» [15] и «О некоторых деталях одежды среднепеченгской мордвы VIII–XI вв.» [16]. Используя материалы Елизавет-Михайловского и Крюково-Кужновского могильников в сопоставлении с этнографическими источниками,

Р.Ф. Воронина предложила реконструкции мужских и женских костюмов, в том числе отметила особенности покроя и декора рубаш, обуви.

Исследованием древнемарийского костюма занимался Г.А. Архипов, опубликовавший статью и на эту тему [17]. Т.Б. Никитина отметила особенности костюма древнемарийских племен на самых ранних стадиях их формирования, а также проследила генезис марийского костюма во II тыс. н.э., предложив реконструкции костюмных комплексов XVII–XVIII вв. [18–19].

Среди специальных исследований, посвященных реконструкции костюма по материалам могильников волжских финнов, отметим статью Ю.А. Краснова «Женская одежда по материалам Безводнинского могильника» [20]. Ю.А. Краснов проанализировал особенности покроя одежды исходя из расположения сьюлгам, браслетов и других украшений, сопоставив полученные сведения с этнографическими материалами мари, мордвы и удмуртов. Он предложил реконструкцию головных уборов, ряд которых имели берестяную основу.

Е.И. Горюнова в своей работе «Этническая история Волго-Окского междуречья» посвятила главу мерянскому костюму, отметив его отличия от костюма родственных финноязычных этносов [21].

В материалах коллективного исследования «Финно-угры Поволжья и Приуралья» А.Е. Леонтьев, Е.А. Рябинин, В.В. Седов и другие авторы обобщили сведения о костюме мери, мешеры, других волжско-финских этносов, а также племен культуры рязано-окских могильников, собранные к концу XX в., привели ряд реконструкций костюмных комплексов различных финно-угорских этносов Поволжья, созданных к тому времени [22].

Таким образом, в области исследования древнего костюма волжских финнов собран значительный материал, позволяющий определить принципы, на которых базируется археологическая реконструкция костюма. Костюм рассматривается в первую очередь как важнейший этноопределяющий признак, необходимый при сравнительном исследовании археологических культур. Археологов интересуют типичные для этноса элементы костюма и костюмные комплексы, хронологические рамки их бытования.

Важной особенностью исследования древнего костюма волжских финнов является отсутствие изобразительных материалов, когда данные археологии

становятся практически единственным достоверным источником. Следует учитывать несовершенство полевых методик фиксации элементов костюма в погребениях. Нередко авторы отчетов не обращали внимания на детали, отличающие одно украшение от другого, ограничиваясь кратким сообщением о том, что украшение подобно другому, найденному в ранее открытом погребении. В отчетах зачастую отсутствуют указания на характер тканей, найденных в погребениях, не уточняется: является ли полотняная ткань льняной или конопляной, а иногда не отмечается и различия между тканями растительного и животного происхождения. Малоинформативны и сообщения о характере обуви, отдельные рисунки обуви и ее фрагментов приводятся в отчетах крайне редко, что не позволяет судить о технологических приемах, использованных при ее изготовлении, а также и о форме обуви. Редко удается зафиксировать фрагменты меха, например, в ряде погребений Крюково-Кужновского могильника была найдена одежда из лисьего меха [23]. Не всегда отмечается наличие конструктивных элементов, использовавшихся для придания деталям костюма желательной формы: вставок из дерева, бересты, кожи.

Таким образом, реконструкция древнего костюма волжских финнов по археологическим материалам не может считаться полной, так как в процессе раскопок не фиксируются многие важные детали, прежде всего покрой одежды, многие формы головных уборов. Следует согласиться с З.В. Доде, что в данном случае уместнее использовать термин «элементы костюма» [24, с. 306]. Недостаток сведений о тех частях костюма, которые созданы из органических материалов, покрое одежды, восполняется за счет этнографических источников. Учитывая устойчивость материальной культуры финно-угорского населения Поволжья [25], такой подход представляется вполне оправданным. Сопоставление этнографических материалов XVIII – начала XX в. свидетельствует, что марийский и мордовский костюмы претерпели в этот период незначительные трансформации. Минимально подвержены изменениям крой и особенности ношения костюма, незначительно изменялись форма головных уборов и элементы декора. Все это позволило Н.И. Гаген-Торн [26] и Т.А. Крюковой [27] выделить характерные черты волго-вятского костюмного комплекса, такие как туникообразный покрой одежды, изготовленной из неокрашенного холста, наличие двойной наплечной одежды. По мнению многих авторов, у финно-угорского населения региона подобная одежда может восходить к I тыс. до н.э. или более раннему периоду [28–29].

Можно провести параллель между формами некоторых элементов костюма, известных по археологическим источникам и этнографическим материалам, на чем базируются все перечисленные выше

исследования в области древнего костюма волжских финнов.

В исследовании костюма финно-угорского населения Поволжья середины I – начала II тыс. н.э. по археологическим материалам мы имеем дело с так называемой гипотетической реконструкцией (определение З.В. Доде), которая характеризуется отсутствием системообразующей основы [24, с. 307]. Под реконструкцией следует понимать восстановление целостности конкретного костюмного комплекса [24, с. 306].

Накопленный в настоящее время материал по костюму волжских финнов позволяет осуществить не только его реконструкцию, но и последующую интерпретацию семантики, т.е. представить костюм как знаковую систему. Приходится все же учитывать, что опубликованные материалы не всегда дают возможность определить точную топографию предметов, так как в ранних работах приводятся планы не всех погребений. В этом случае на основании описания местонахождения предметов в погребении проводятся аналогии с другими захоронениями, где сходные предметы имели аналогичную топографию. Восстановить способы ношения украшений позволяют этнографические материалы, так как нередко имеют место прямые параллели между ними и археологическими находками.

Топография украшений не всегда позволяет нам достаточно точно реконструировать покрой одежды, в большинстве случаев восстановить форму головного убора, но сами украшения могут быть соотнесены с определенными частями человеческого тела. Наличие в некоторых захоронениях металлических подвесок, пришитых по краю одежды, а также вышивки оловянным бисером дает возможность определить длину рубахи, а иногда и особенности кроя одежды. По аналогии с женскими рубахами мордвы, где вышивка имеет сходное расположение [30], можно говорить об одежде туникообразного покроя. Подобные находки вышитых фрагментов одежды и их сходство с более поздними вариантами позволяют гипотетически реконструировать женскую одежду, не имевшую вышивки.

Не исключается наличие некоторых разночтений при реконструкции комплекта украшений в условиях отсутствия органических материалов, например, детали нагрудников могут быть интерпретированы как нагрудные украшения в случае плохой сохранности костяка. Этнографические материалы в некоторой степени позволяют разрешить это противоречие. Предположим, что для данного этноса на протяжении длительного времени, максимально возможного для фиксации этнографией и письменными источниками, характерны определенные формы прически, например две косы, перекинутые на грудь. Расположение украшений в прическе, описанной этнографами, совпада-

ет с топографией украшений в погребении. Значит, с большой долей вероятности можно утверждать, что данная прическа и способы ее декорирования существовали во время, к которому относится памятник, и рассматриваемые украшения будут относиться к наконечнику. При этом следует учитывать особенности исследуемой этнической культуры и ее историю, собственное ей взаимодействие традиций и новаций.

Необходимо также принимать в расчет особенности материала, из которого изготовлены элементы костюма, и технологические возможности древних обществ, позволяющие судить о специфике ношения тех или иных украшений. Здесь также большое значение имеют этнографические материалы, фиксирующие традиционные формы и способы ношения костюма, например, наличие деревянной или кожаной основы у массивных украшений, что делает реконструкцию древнего костюма более достоверной.

Полагая, что древний костюм волжских финнов представлял собой систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, мы должны признать, что до нас дошла только ее часть. Следует предположить изменение способов акцентирования частей костюма в связи с изменением способов его декорирования. Мордовский и марийский костюмы XIX–XX вв. отличаются обилием вышивки, которая несла основную семантическую нагрузку, так как выполнялась самими носителями традиции, не предполагала каких-либо затруднений с получением исходных компонентов для ее выполнения (красители, пряжа) [30–32]. В поздних вариантах костюма украшения уже значительно трансформировались: волжские финны оказались ограничены в выборе материала, используя бисер ремесленного производства, монеты [30, с. 97–133; 32, с. 42–48]. В ранний период богатая металлическая гарнитура костюма финно-угорских этносов Поволжья позволяет предположить, что именно она несла основную семантическую нагрузку. Большинство украшений изготавливалось самими носителями традиции или в соответствии с их вкусами для последующего обмена. Как отметил К.А. Руденко, процесс заимствования происходил на основе внутренних этнических и культурных процессов, например, импортируемые украшения представляли аналоги местных предметов, выполненные на более высоком технологическом уровне [33, с. 70, 74]. В поздних костюмных комплексах информативность украшений снижается, но сохраняются особенности их расположения, а иногда и древние формы, свидетельствующие о преемственности этнических традиций в области костюма.

При исследовании семантики костюма волжских финнов можно провести параллели между древними металлическими украшениями и вышивкой более позднего периода, которые могут быть отнесены к категории убранства [24, с. 306].

Интерес к украшениям при исследовании семантики оправдан, так как, по мнению В.Ю. Лещенко, «в определенных формах духовной культуры первостепенная роль принадлежит мобильному искусству – металлопластике в плоскостном и объемном воплощении» [34, с. 140]. А.К. Байбурун отмечал, что носителями информации являются «избыточные» с точки зрения утилитарной прагматики элементы [35, с. 9]. Украшения – наиболее символически емкая часть костюма, тесно связанная с мифологическими представлениями, с традиционным миропониманием. Используемые для их создания символы надолго пережили свои эпохи, что хорошо видно на примере финно-угорского искусства [36, с. 322].

Не имея возможности реконструировать древний костюм волжских финнов как единое целое, следует максимально использовать в семантических исследованиях металлические украшения, представлявшие единый ансамбль, формировавшийся в соответствии с возрастом и статусом человека. Фрагменты кожи, меха, ткани, сохранившиеся в погребениях, дополняют наши представления о семантике костюма, выступая в комплексе с металлическими украшениями.

Таким образом, в основе реконструкции древнего костюма волжских финнов лежит топография украшений, анализируемая с учетом этнографически документированных способов ношения подобных украшений в более поздний период. Во внимание принимается генезис элементов костюма и возможное перемещение отдельных предметов в соответствии с эстетическими вкусами и религиозными представлениями эпохи. В этом случае следует предполагать изменение семантического значения предмета при нахождении его в едином костюмном комплексе, а также инварианты символики отдельных образов при использовании их в нагрудных, поясных или иных украшениях. Предметы, композиционно не связанные с костюмом, например украшения, находящиеся в сумочках, а не на погребенных, не могут считаться частью данного костюмного комплекса. Они представляют интерес с точки зрения семантики отдельной вещи, не встраиваясь в символическую систему реконструируемого костюма. Помещение таких предметов в погребение, безусловно, имело ритуальное значение, и косвенно их можно соотнести с костюмом в том виде, который он мог приобрести после изменения социального статуса погребенного в ином мире в соответствии с представлениями местного населения. Например, у мари и мордвы умершей девушке клали в гроб женский головной убор [37, с. 161].

Сопоставление археологических и этнографических материалов позволяет утверждать, что костюм волжских финнов сохранил основные центры и акценты, сложившиеся в глубокой древности. Поэтому при реконструкции можно использовать силуэты, отмеченные для позднего периода, но подтверждае-

мые археологическими материалами, как это можно проследить, например, для обуви. Силуэт, создаваемый костюмом, теснейшим образом связан с эстетическими представлениями этноса, отличающимися устойчивостью в условиях традиционной культуры. Рассматривая костюм как явление не только материальной, но и духовной культуры этноса, используя культурологический подход, следует объяснить особенности иллюстрирования, наиболее приемлемые при изучении семантики.

Определяя особенности функционирования костюма в символическом пространстве этнической культуры, его необходимо рассматривать в единстве с человеком, образ которого формируется с помощью костюма, обращая внимание на особенности антропологического типа, посадки одежды на фигуре. В данном случае следует согласиться с мнением З.В. Доде, что костюм без человека остается набором вещей [24, с. 307]. Судя по архаичным техникам кроя и шитья одежды, изготовления различных деталей костюма, зафиксированным у волжских финнов еще в начале XX в. [9, с. 47–91], можно сделать вывод, что они восходят к глубокой древности. Это свидетельствует о допустимости сопоставления археологических и этнографических материалов при реконструкции силуэта костюма с учетом расположения украшений и других сохранившихся элементов, например обуви, деталей набедренников. В качестве основы для иллюстраций можно использовать фотографии марийских и мордовских крестьян конца XIX – начала XX в., позволяющие отметить специфику ношения костюма. Не предполагая полного совпадения, можно реконструировать силуэт, распределение объемов, местоположение предметов, согласуя с пропорциями человеческого тела и археологическими материалами.

Особую сложность представляет реконструкция головных уборов, так как органические части практически не сохранились, а металлические детали не обязательно украшают всю поверхность убора. Использование поздних аналогий, особенно при значительном хронологическом разрыве, представляется не всегда оправданным: формы головных уборов могли трансформироваться в результате контактов с другими этносами, выйти из употребления. Довольно значительное разнообразие форм марийских и мордовских женских головных уборов XIX–XX вв. позволяет предполагать их разнообразие и в древности. Поэтому при отсутствии возможности восстановить форму головного убора по материалам погребения можно предложить лишь условную его реконструкцию, базирующуюся на общих принципах создания головных уборов у финно-угорских этносов Поволжья с использованием максимально возможных и исторически обоснованных параллелей.

Общим для волжских финнов, на наш взгляд, является ношение женщинами каркасного головного

убора, имеющего берестяную основу и позатыльник в виде куска ткани. Мордовские и марийские головные убory подобных форм были проанализированы В.Н. Белицер [30, с. 146–162] и Т.Л. Молотовой [32, с. 34–36]. В рисунках-реконструкциях головной убор можно восстановить условно как имеющий усеченно-коническую основу и позатыльник из куска ткани. Наличие позатыльника позволяют предполагать металлические украшения, сохранившиеся в ряде погребений. Ношение некоторых украшений, например головных цепочек у древних марийцев, требует основы из бересты, ткани, кожи или другого материала, поверх которого наматывалась цепочка. Поэтому можно реконструировать данный убор как убор с венчиком или с головным полотенцем. Последний вариант получил в рассматриваемый период широкое распространение в Восточной Европе у различных этносов [39, с. 47; 40, с. 158–159], а позднее сохранился у мари [32, с. 36]. Разумеется, археологические материалы не позволяют восстановить способы ношения полотняного головного убора, поэтому реконструкция может основываться только на этнографических параллелях.

Исследование семантики древнего костюма имеет свои особенности, проистекающие из герменевтики археологических источников. Как правило, археологи при создании реконструкций принимают во внимание наиболее богатые по количеству элементов костюмные комплексы, что позволяет максимально воссоздать костюм как этноопределяющий признак. С точки зрения семантики, такие костюмные комплексы также представляют интерес, но их информативность снижается без сопоставления с более скромными по количеству элементов костюмами. По этнографическим данным известно, что костюм и украшения различались в зависимости от возраста человека, материального положения семьи и предназначения самого костюма. Ношение полного комплекта украшений было характерно лишь для определенного периода в жизни женщины, например, у мари молодуха носила полный набор украшений в течение года после свадьбы [32, с. 42].

Подобная ситуация, вероятно, существовала и в древности, поэтому число погребений с полным набором украшений невелико. Это обстоятельство связано не только с материальным благополучием населения, но и с представлениями о символике костюма и его функциях в погребальной обрядности. Костюм, исследуемый по материалам погребений, должен несколько отличаться от повседневного. Л.С. Клейн отмечал, что при трансформации живой культуры в мертвую меняются ее состав, пропорции ее компонентов [41, с. 55].

Известно, что у мари женщина хранила свадебную рубаху в качестве смертной одежды, существовали и другие особенности погребального костюма, напри-

мер, использование нескольких комплектов одежды, а в древности, возможно, и украшений у мордвы. Учитывая традиционность культуры волжских финнов, наличие многочисленных параллелей в погребальных и поминальных ритуалах мари и мордвы [42, с. 197], можно предполагать, что специфика функционирования костюма в погребальной обрядности указанных этносов имеет общие истоки и в основном сохранилась до XIX в. Не являясь аналогом повседневного, погребальный костюм строился в соответствии с общей символической схемой, характерной для данной культурной традиции. Загробный мир представлялся волжским финнам подобием мира земного [37, с. 164], поэтому погребальный и повседневный костюмы должны были создаваться в рамках общей схемы. В погребальном костюме, судя по данным этнографии, можно выделить ряд особенностей, например, завязывали пояс и завертывали онучи на покойном не так, как на живом человеке, а наоборот [32, с. 78]. В «мертвой культуре» [41, с. 55] происходит трансформация семантики предмета, на что указывает избыточность элементов костюма в погребении, когда они дублируют друг друга.

Рассматривая проблему функционирования костюма в символическом пространстве древней культуры, мы также можем рассуждать лишь гипотетически, сопоставляя свидетельства этнографов с недостаточно полными данными археологии. Например, при изучении семантики костюма необходимо выделить среди погребенных в тех или иных могильниках половозрастные группы, чтобы определить особенности их костюма. Однако на многих памятниках антропологический материал имел плохую сохранность. Не всегда авторы раскопок могли определить в полевых условиях возраст погребенных, в результате в отчетах указываются лишь различия между взрослыми и детскими погребениями. Детские погребения трудно различить по полу исходя лишь из особенностей инвентаря, нередко довольно скудного. Сложности с выделением возрастных групп не позволяют, например, провести точную грань между костюмом

девочки-подростка и девушки или определить время исчезновения из костюма тех или иных элементов в период старения.

При исследовании семантики костюма определенное значение имеют количественные показатели, позволяющие выделить наиболее полные, самые распространенные костюмные комплексы, проследить частоту встречаемости в них видов украшений. В данном случае не рассматривается отношение тех или иных видов украшений к общему числу погребений в могильниках, так как это мало что добавляет к семантике костюма. Важнее понять взаимосвязь предметов, закономерность их появления в одном комплексе.

Выделение наиболее полных комплектов украшений, различных промежуточных вариантов, частоты встречаемости элементов позволяет точнее судить о символике в зависимости от местоположения предмета в системе. Неполные комплексы помогают выделить значимые вещи, т.е. «необходимые» символы: показатели социального статуса, соответственно определить отношение носителей традиции к существовавшим символам, а также, сопоставив археологические и этнографические материалы, выявить закономерности развития семантики костюма волжских финнов.

Сопоставление данных археологических и этнографических источников является основой реконструкции элементов древнего костюма волжских финнов, прежде всего украшений как наиболее семантически емкой части. Подобная реконструкция остается гипотетической, так как многие элементы костюма волжских финнов не могут быть восстановлены, но она позволяет представить расположение украшений и сохранившихся деталей обуви, одежды и прочее, что создает основу для последующей семантической интерпретации костюма. Привлечение этнографических источников помогает реконструировать особенности ношения костюма, связь костюма с телом человека, силуэт и пропорции костюма и воплотить образ, создаваемый костюмом, в графических реконструкциях.

Библиографический список

1. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М., 2003.
2. Спицын, А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы / А.А. Спицын // Материалы по археологии России. Вып. 1. – СПб., 1901.
3. Городцов, В.А. Результаты раскопок Подболотьевского могильника / В.А. Городцов // Древности Московского археологического общества. – Т. XXIV. – М., 1914.
4. Алихова, А.Е. Мордва и мурома / А.Е. Алихова // Краткие сообщения института материальной культуры. Вып. XXX. – М., 1949.
5. Алихова, А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I – начала II тысячелетия н.э. / А.Е. Алихова // Советская археология. – 1958. – №2.
6. Алихова, А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тысячелетия н.э. / А.Е. Алихова // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959.
7. Жиганов, М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII–XIV вв. / М.Ф. Жиганов // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959.
8. Жиганов, М.Ф. Память веков / М.Ф. Жиганов. – Саранск, 1976.
9. Полесских, М.Р. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши / М.Р. Полесских. – Саранск, 1965.

10. Мартъянов, В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–IX вв. / В.Н. Мартъянов // Материалы по археологии Мордовии : труды НИИЯЛИ. Вып. 52. – Саранск, 1976.
11. Мартъянов, В.Н. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тыс. н.э. / В.Н. Мартъянов, Д.Т. Надькин // Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. – Саранск, 1979.
12. Смирнов, А.П. Очерки древней истории мордвы / А.П. Смирнов // Труды государственного исторического музея. Вып. XI. – М., 1940.
13. Смирнов, А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А.П. Смирнов // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – №28. – М., 1952.
14. Смирнов, А.П. Этногенез мордовского народа по данным археологии. I–XV вв. н.э. / А.П. Смирнов // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965.
15. Воронина, Р.Ф. Женские головные уборы волжских финнов V–VII вв. (по материалам Никитинского могильника) / Р.Ф. Воронина // Советская этнография. – 1989. – №4.
16. Воронина, Р.Ф. О некоторых деталях одежды средневековой мордвы VIII–XI вв. / Р.Ф. Воронина // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 140. – М., 1974.
17. Архипов, Г.А. Древнемарийский женский костюм IX–XI вв. (опыт реконструкции по археологическим материалам Веселовского могильника) / Г.А. Архипов // Труды Марийского НИИ. – Вып. XVI. – Йошкар-Ола, 1961.
18. Никитина, Т.Б. История населения марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Т.Б. Никитина // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 5. – Йошкар-Ола, 1999.
19. Никитина, Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья / Т.Б. Никитина. – Йошкар-Ола, 2002.
20. Краснов, Ю.А. Женская одежда по материалам Безводнинского могильника / Ю.А. Краснов // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 170: Железный век. – М., 1982.
21. Горюнова, Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / Е.И. Горюнова // МИА. – №94. – М., 1961.
22. Федорова, Н.Н. К вопросу о структуре традиционного орнамента обских угров / Н.Н. Федорова // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск, 1992.
23. Иванов, П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюково-Кужновский могильник / П.П. Иванов. – Моршанск, 1952.
24. Доде, З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: к вопросу о методе исследования / З.В. Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. 2.
25. Шкалина, Г.Е. Традиционная культура народа мари / Г.Е. Шкалина. – Йошкар-Ола, 2002.
26. Гаген-Торн, Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу) / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары, 1960.
27. Крюкова, Т.А. Материальная культура марийцев XIX в. / Т.А. Крюкова. – Йошкар-Ола, 1956.
28. Збруева, А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А.В. Збруева // МИА. – №30. – М., 1952.
29. Патрушев, В.С. Волжские ананьинцы / В.С. Патрушев, А.Х. Халиков. – М., 1982.
30. Белицер, В.Н. Народная одежда мордвы / В.Н. Белицер // Труды института этнографии АН СССР. – М., 1972. – Вып. III. – Т. 101.
31. Крюкова, Т.А. Марийская вышивка / Т.А. Крюкова. – Л., 1951.
32. Молотова, Т.Л. Марийский народный костюм / Т.Л. Молотова. – Йошкар-Ола, 1992.
33. Руденко, К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура / К.А. Руденко. – Казань, 2007.
34. Лещенко, В.Ю. Проблема реконструкции древних верований в традиционной культуре финно-угров / В.Ю. Лещенко // Реконструкция древних верований. – СПб., 1991.
35. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Л., 1983.
36. Павлова, А.Н. Об индоевропейских параллелях солярной символики финно-угров Поволжья VII–VI вв. до н.э. / А.Н. Павлова // Проблемы реконструкции хозяйства по археолого-этнографическим данным. – Йошкар-Ола, 2000.
37. Попов, Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX вв. / Н.С. Попов // Археология и этнография Марийского края. – Вып. 5. – Йошкар-Ола, 1981.
38. Евсеев, Т. Этнографические коллекции / Т. Евсеев. – Йошкар-Ола, 2002.
39. Рабинович, М.Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. / М.Г. Рабинович // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986.
40. Волкайте-Куликаускене, Р.К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. / Р.К. Волкайте-Куликаускене // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986.
41. Клейн, Л.С. Археологические источники / Л.С. Клейн. – Л., 1978.
42. Мокшин, Н.Ф. О мордовско-марийских этнических связях (по материалам религиозных верований) / Н.Ф. Мокшин // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965.